

Уснуть на кладбище — это уже слишком. Уголок рта Лу Чжэнмина нервно дёрнулся. Он сложно посмотрел на Хэ Сы несколько мгновений, затем закрыл глаза и глубоко вздохнул. Когда он снова открыл их, в его взгляде уже не было никаких эмоций. Он вытащил из грязного сапога тонкий, как крыло цикады, нож и начал резать дикий имбирь и листья полыни на мелкие кусочки, медленно растирая их в кашу.

Его пальцы были сильно повреждены, но, к счастью, не сломаны. После того как он их вправил, проблема была невелика, хотя они опухли и болели, словно тысячи игл впивались в суставы.

Лу Чжэнмин знал, что в ближайшее время ему лучше не использовать эту руку, если он не хочет, чтобы она окончательно вышла из строя.

Но он всё равно продолжал медленно растирать травы в маленький комочек. Выглядел он некрасиво и нечисто, но в таких условиях большего требовать было нельзя.

Молодой наместник, видимо, полностью потерял сознание от жара, позволяя ему приподнять себя за руку, словно кусок мягкого теста.

«Мягкое тесто» — это, конечно, преуменьшение, — подумал Лу Чжэнмин, глядя на покрасневшее от жара лицо наместника Восточной палаты. Он действительно был полностью в его власти.

Если бы он сейчас провёл лезвием по тонкой шее, где отчётливо виднелись вены, он мог бы лично завершить жизнь, которая стоила тысячи, а может, и десятков тысяч золотых. С его головой можно было отправиться за наградой в чёрно-красный список или получить щедрое вознаграждение от гвардейцев и Внутреннего кабинета...

Лу Чжэнмин, держа тонкий нож в опухших пальцах, медленно провёл им по шее Хэ Сы. Внезапно его рука остановилась: на белой, с проступающими венами коже уже появились несколько красных полос.

Слишком нежный, — Лу Чжэнмин слегка удивился. Он знал кое-что о прошлом этого наместника Восточной палаты.

Сирота, которого старый наместник подобрал из груды трупов и усыновил.

Для этих высокопоставленных евнухов, у которых не было наследников, так называемые приёмные сыновья были чем-то вроде кошек или собак — утешением для души и развлечением в свободное время.

Если бы старый наместник не передал Восточную палату в его руки, он, вероятно, остался бы маленьким евнухом, которого все могли оскорблять и унижать, а то и вовсе был бы тихо устранин врагами старого наместника.

Лу Чжэнмин вдруг усмехнулся, и его улыбка стала загадочной. Он провёл лезвием вверх, слегка приоткрыл сухие от жара губы и засунул внутрь комочек травяной кашицы.

Но наполовину вставленный комочек был вытолкнут языком, почувствовавшим горечь.

Лу Чжэнмин снова попытался.

И снова язык упрямо вытолкнул его, а зубы сжались в знак сопротивления.

Лу Чжэнмин с недовольным видом посмотрел на плотно сжатые губы, с трудом разжал их двумя пальцами и снова засунул комок внутрь. Когда непокорный язык снова начал двигаться, он холодно сказал:

— Если не съешь, я засуну его ножом.

Хэ Сы, находясь в полубессознательном состоянии, вдруг почувствовал опасность и, проявив благоразумие, закрыл рот, сглотнув комок.

— ... — Лу Чжэнмин потер лоб, не зная, в сознании ли этот человек или нет.

Дождь уже прекратился, и серебряная луна, яркая, как блюдце, висела в ночном небе, окружённая редкими звёздами. Глубокая осень принесла с собой пронизывающий холод, особенно на этом кладбище, где царила леденящая атмосфера смерти.

Потрескавшиеся губы Лу Чжэнмина были сухими и бледными, его тело истощено до костей, и он выглядел так, будто был на пороге смерти. Лишь его глаза, острые как лезвия, внимательно следили за каждым движением на кладбище.

Теоретически, люди из Восточной палаты скоро должны были появиться.

Лу Чжэнмин знал, что, чтобы избежать ненужных проблем, ему не стоило оставаться здесь. Кроме того, если он не уйдёт, за ним тоже начнут искать.

Но, глядя на наместника Восточной палаты, который был без сознания от жара, он всё же не ушёл. В это время года на кладбище ночью часто появлялись дикие звери в поисках пищи.

Глядя на Хэ Сы, чья красота не была скрыта даже в таком состоянии, он подумал, что было бы жаль, если бы его съели.

Хэ Сы спал беспокойно, словно плыл по волнам, не находя твёрдой опоры.

Во сне он действительно стоял на вершине огромной волны, а мощный дождь с громом и молниями обрушивался на него с головы до ног. Он дрожал от холода, как щенок, прижавшийся к борту лодки. Его глаза были залиты дождём, становясь серыми, но в глубине зрачков горел яркий огонь!

Это был огонь на далёком берегу, разрывающий завесу дождя и устремляющийся в небо, проникая прямо в глубину его взгляда.

— Уходи, уходи далеко и никогда не возвращайся, даже если умрёшь, умри снаружи!

Эти слова неожиданно возникли в голове Хэ Сы, пропитанной дождём. Они, как стрела, пробились сквозь слои кошмара и вонзились в самую глубину его сознания.

Он тонул, Хэ Сы думал, что больше не может держаться, может, лучше умереть...

Если умрёт сейчас, возможно, встретит Лайфу, и они вместе отправятся по дороге в загробный мир. Звучит даже трогательно.

Но Хэ Сы знал, что не умрёт. Хотя у него было бесчисленное количество раз, когда он хотел сдаться, он всегда находил причины продолжать жить: ради мясных пирожков, тушёной свинины, лапши, будущей жены и того огня, что годами горел в его глазах...

Хэ Сы проснулся в поту, его уши ещё звенели от грома, но через мгновение звук сменился на стрекотание насекомых, исчезнув, как и сон, который он уже не мог вспомнить.

Он тяжело дышал, жар забрал все его силы, и пот снова пропитал его одежду. Хэ Сы чувствовал себя, как собака, которая с трудом выбралась из воды...

Порыв ветра принёс лёгкий холод, и его рассеянный взгляд постепенно сфокусировался. Он инстинктивно посмотрел вниз и увидел чёрную руку, держащую его воротник, а ветер проникал внутрь через расстёгнутую одежду...

С невыразимым выражением лица он медленно поднял голову.

Лу Чжэнмин невинно смотрел на него, не убирая руку.

Хэ Сы поднял слабую руку, указал на себя и хрипло спросил:

— Объяснишь?

Лу Чжэнмин сразу же искренне и серьёзно ответил:

— Твоя одежда мокрая, если продолжишь носить, холод проникнет в тело, и ты серьёзно заболеешь.

Хэ Сы без выражения лица хрипло сказал:

— Я вежливо поверю тебе.

Лу Чжэнмин был доволен его сговорчивостью и продолжил раздевать его.

— ??? — Хэ Сы сразу же начал яростно сопротивляться. — Убери свою грязную руку! Не трогай меня!

Лу Чжэнмин: «...»

Его жар только что спал, и его сопротивление было сравнимо с брыканием ягнёнка.

Но Лу Чжэнмин тоже был серьёзно ранен.

После непродолжительной борьбы, в которой они толкали и пинали друг друга, Хэ Сы, не обладающий боевыми навыками, был подавлен запыхавшимся Лу Чжэнмином, который не только прижал его, но и снял с него верхнюю одежду.

Глаза Хэ Сы стали круглыми, как колокольчики, и если бы из них могли лететь ножи, Лу Чжэнмин уже был бы изрезан на куски.

Лу Чжэнмин, в процессе подавления, потянул повреждённые пальцы, и теперь боль заставила его покрыться холодным потом. Он бросил мокрую одежду Хэ Сы рядом с костром и начал растирать травы, чтобы наложить их на опухшие суставы:

— Твоя реакция довольно забавная, даже скромнее, чем у невинной девушки. Мы же мужчины, зачем так?

Хэ Сы серьёзно сказал:

— Зачем.

Чтобы доказать свою правоту, он даже потянул воротник, показывая, что защищает свою честь.

— ...

Лу Чжэнмин, глядя на его странное поведение, решил, что он всё ещё не очнулся от жара. С человеком в таком состоянии спорить бесполезно, особенно если он ещё и красив.

Он, опираясь на ногу, медленно прислонился к гнилому бревну, продолжая накладывать травы на пальцы, и равнодушно кивнул:

— Ладно, я возьму на себя ответственность за наместника. Позже я приду к вам с предложением. — Он усмехнулся, глядя на больного молодого наместника, и поднял бровь. — Наместник доволен?

Хэ Сы, всё ещё не пришедший в себя, холодно усмехнулся и сказал:

— У тебя есть земля, дом, поместье? В карете поместятся четверо? Можешь арендовать целую улицу? Нет земли, дома и поместья, а ещё хочешь свататься?

Лу Чжэнмин: «...»

Он в сознании или нет?!

<http://bllate.org/book/16284/1467030>